

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Ланко

Модернизация в окружении:
случай Финляндии.

Часть II: вторая половина
XIX — начало XX века

Препринт М-76/20

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2020

Л 22 **Ланко Д.**

Модернизация в окружении: случай Финляндии. Часть II: вторая половина XIX — начало XX века / Дмитрий Ланко : Препринт М-76/20. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 46 с. — (Серия препринтов; М-76/20; Центр исследований модернизации).

В данном докладе модернизация Великого княжества Финляндского в период между окончанием Крымской войны и началом Первой мировой войны вновь рассматривается «в окружении», то есть в зависимости от процессов, происходивших параллельно в других частях Российской империи, а также в остальной Европе. Значимое влияние на ход модернизации Финляндии в этот период оказали внутренние дискуссии, разворачивавшиеся внутри финляндской элиты. Это и спор либералов и камералистов, и характерная исключительно для Финляндии дискуссия между Фенноманами и Свекоманами, и резко возросшая в начале XX века роль социал-демократических идей. Не меньшее влияние на ход модернизации Финляндии имели и политические изменения, происходившие в Санкт-Петербурге, связанные с приходом к власти последовательно Александра II, Александра III и Николая II. Важную роль сыграли и события, происходившие в других частях Российской империи. Например, Польское восстание 1860-х годов оказало влияние и на ход политической модернизации в Финляндии. Наконец, огромное влияние на ход модернизации в Финляндии оказали и общеевропейские процессы. Помимо дискуссии между либералами и меркантилистами (финляндский камерализм являлся разновидностью меркантилизма), к таким процессам следует отнести поворот большинства европейских держав от либерализма к протекционизму в последней четверти XIX века, а также трансформацию сущности европейского империализма в тот же период, оказавшую влияние и на характер отношений между Российской империей и Великим княжеством Финляндским.

Информация об авторе: Ланко Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Крымская война и послевоенное восстановление Великого княжества Финляндского

В литературе по сравнительной политологии нередко можно встретить утверждение, что кризис преемственности при передаче власти является одним из двух необходимых условий для «распада авторитарной коалиции» [Уайтхед 1999, с. 353] и последующей модернизации страны. Вторым необходимым условием является поражение страны в военных действиях за ее пределами, причем каждое из этих условий имеет свойство действовать самостоятельно, вне зависимости от выполнения второго условия. В Европе XIX века кризисы преемственности при передаче власти или военные поражения нередко приводили к модернизации и демократизации, и история Великого княжества Финляндского является примером, подтверждающим эту зависимость. Вместе с тем каждое из этих условий является необходимым, но не достаточным, и, как демонстрирует история Великого княжества Финляндского, в одних случаях кризис преемственности при передаче власти в метрополии или военное поражение империи способствовали политическим переменам, стимулирующим модернизацию, а в других случаях — нет.

Ранее автор данной работы демонстрировал, как военное поражение Швеции, которой большая часть территории современной Финляндии принадлежала до 1809 года, на определенном этапе наполеоновских войн, а также кризис преемственности при передаче власти способствовали не только переходу территории Финляндии под власть Российской империи, но и ускорению модернизации на этой территории [Ланко 2019]. С одной стороны, русско-шведские войны XVIII — начала XIX века, которые Швеция неизбежно проигрывала, убедили

финляндскую элиту в том, что Стокгольм, регулярно собирающий в Финляндии налоги, не способен выполнить свою функцию метрополии — защитить Финляндию от военных действий, ведущихся на ее территории. Не менее важную роль в данном контексте сыграл и кризис преемственности при передаче власти в Стокгольме в 1809 году: после отречения в результате государственного переворота короля Густава IV Адольфа многие финляндские дворяне почувствовали себя свободными от присяги, данной ранее этому королю. И новую присягу они предпочли принести не новому шведскому королю Карлу XIII, но российскому императору Александру I.

С другой стороны, 1809 год, а также предшествовавшие и следовавшие за ним события привели к переходу большей части территории современной Финляндии от Швеции к России и заложили условия для модернизации Великого княжества Финляндского в первой половине XIX века. Первый российский генерал-губернатор Финляндии Г. М. Спренгтпортен и его сторонники не только способствовали установлению российской власти в Финляндии, но и очертили конфигурацию политических институтов будущего Великого княжества Финляндского, которые смогли способствовать модернизации страны и одновременно оказались приемлемыми для Российской империи. Александр I и М. М. Сперанский, государственный секретарь Российской империи в 1810–1812 годах, возглавлявший Комиссию финляндских дел в 1809–1811 годах в должности статс-секретаря, пребывали в убеждении, что в основной части России «еще не созрели социально-экономические и политические условия для превращения Российской империи в истинное монархическое конституционное государство с таким его классическим атрибутом, как реальное ограничение законодательной и исполнительной власти монарха» [Андреева 2015, с. 58].

Однако в начале 1810-х годов и Александр I, и М. М. Сперанский мечтали об «истинно монархическом конституционном государстве», и эту мечту в порядке эксперимента они частично реализовали в Великом княжестве Финляндском. Сформировавшаяся в результате политическая система, с одной стороны, сохраняла многие институты, характерные для этих земель в период шведского владычества, что обуславливало преемственность политической системы Великого княжества Финляндского по отношению к предшествовавшей эпохе. С другой стороны, такие существовавшие в Швеции (и как следствие — в Финляндии) в XVIII веке институты, как, например, закон о запрете бродяжничества, который фактически способствовал прикреплению

безземельных крестьян к арендодателям-землевладельцам, были отменены. В результате сформировались условия для модернизации страны, благодаря чему кризис преемственности при передаче власти в Санкт-Петербурге 1825 года, характеризовавшийся восстанием декабристов и неясностью с передачей трона то ли великому князю Константину Павловичу, то ли великому князю Николаю Павловичу, прошел для Финляндии практически незаметно.

Запрет чиновникам и дворянам Великого княжества Финляндского принадлежать к тайным обществам, введенный Николаем I вследствие восстания декабристов, а также запрет масонских лож и постепенное изгнание из финляндского Сената бывших членов этих лож не способствовали формированию в Финляндии антирусских настроений. Скорее, такие настроения проявились позднее, в конце 1820-х — начале 1830-х годов, когда образованная молодежь, в первую очередь студенты только что построенной Александровской академии (Хельсинкского университета), открыто выступила в поддержку польского восстания 1830 года, а среди крестьян в это же время нередкими стали локальные холерные бунты. Несмотря на кризис конца 1820-х — начала 1830-х годов, модернизация в Финляндии продолжалась и в эпоху царствования Николая I. В частности, в 1844 году императорским указом был дан старт строительству Сайменского канала — важнейшего инфраструктурного проекта, реализованного в Финляндии в середине XIX века.

В середине 1850-х годов в Российской империи вновь возник кризис преемственности при передаче власти в результате смерти Николая I, к тому же осложненный военным поражением в Крымской войне. В финляндской историографии обстрелы территории Финляндии британским и французским флотами в годы Крымской войны получили название «Аландской войны». В наибольшей степени от военных действий пострадали Аландские острова, а также населенные пункты по берегам Ботнического и Финского заливов. Хотя в ходе Крымской войны Российская империя, подобно Швеции XVIII века, продемонстрировала способность защитить Финляндию от обстрела неприятельскими флотами, финляндская элита в ходе этого кризиса осталась лояльной российской короне. Возможно, свою роль сыграл и тот факт, что в XVIII веке большая часть собираемых в Финляндии налогов вывозилась в Стокгольм, в то время как, согласно введенному Александром I (и закрепленному Николаем I) положению, все собираемые на территории Великого княжества Финляндского налоги направлялись на развитие самой Финляндии, включая строительство Сайменского канала.

Лояльность российской короне сохранили и жители тех населенных пунктов, которые непосредственно подверглись обстрелам британского и французского флотов. Так, в 1844 году жители города Ваза — названного в честь династии Ваза, находившейся у власти в Швеции в XVI–XVII веках, обратились к императору с просьбой о переименовании своего города в честь императора в Николайштадт. Николай I счел такое проявление верноподданнических чувств жителей Западной Финляндии чрезмерным и начертал на прошении «невозможно». Однако после его смерти в 1855 году жители города Ваза вновь обратились с аналогичной просьбой к новому императору Александру II, и на этот раз их прошение было удовлетворено. Впрочем, восемь лет спустя жители города снова обратились к императору с просьбой переименовать город обратно в Ваза, в чем им было отказано. В результате город Ваза сохранял название Николайштадт вплоть до 1917 года [Auvinen 2015, s. 69].

В силу реформаторских взглядов взошедшего на российский престол в 1855 году Александра II, а также в качестве своеобразной платы за лояльность населения Великого княжества Финляндского в годы Крымской войны императорскими указами во второй половине 1850-х годов в Финляндии были проведены важные реформы. Еще в 1854 году Николай II назначил генерал-губернатором Великого княжества Финляндского генерал-фельдмаршала Ф. Ф. Берга (Ф. В. фон Берга), остзейского немца по происхождению, чьей основной задачей в условиях Аландской войны стала организация обороны финляндского побережья от обстрелов британского и французского флотов. Именно за свои военные заслуги Ф. Ф. Берг был возведен в графское достоинство Великого княжества Финляндского, став одним из восьми генерал-губернаторов Российской империи, получивших титул князя или графа в период пребывания в этой должности в XIX — начале XX века [Злобин 2013, с. 39]. Предыдущий генерал-губернатор А. С. Меншиков, занимавший этот пост с 1831 года, оказался неспособен организовать оборону страны, из-за чего потребовалась его срочная замена на человека, обладавшего военным опытом. Ф. Ф. Берг оставался в должности генерал-губернатора вплоть до 1861 года, однако о его роли в политических и экономических преобразованиях в Великом княжестве Финляндском у историков сложилось противоречивое мнение.

С одной стороны, Ф. Ф. Берг был ставленником Николая I, который основной задачей генерал-губернатора видел подавление инакомыслия. После завершения своей карьеры в качестве финляндского генерал-губернатора Ф.Ф. Берг в 1863 году был назначен императорским намест-

ником Царства Польского, где он возглавил подавление польского восстания 1863–1864 годов. С другой стороны, в качестве польского наместника Ф. Ф. Берг оставил о себе память не только как человек, командовавший подавлением восстания, но и как руководитель, в значительной мере способствовавший экономическому развитию и индустриализации Польши после подавления восстания. В Финляндии, где во второй половине 1850-х годов недовольства российской властью практически не было, имя Ф. Ф. Берга оказалось связано главным образом с реформами, проводившимися в этот период. Подобно своему предшественнику А. С. Меншикову, в чье время строительство Сайменского канала было начато, Ф. Ф. Берг, в чье время строительство канала завершилось, удостоился памятной таблички у шлюза Пялли на канале, которую можно увидеть и сегодня.

О планах по реформированию экономики Великого княжества Финляндского Александр II заявил в ходе визита в Гельсингфорс весной 1856 года, за полгода до коронации. Выступая в Сенате, император поблагодарил жителей Финляндии за храбрость, проявленную в годы Крымской войны, согласился, что в ходе войны экономике Великого княжества Финляндского был нанесен существенный ущерб, а также предложил ряд мер, призванных компенсировать этот ущерб. Предложенные императором меры условно можно объединить в три группы. Во-первых, это меры, направленные на либерализацию торговли, включая и международную торговлю. В эпоху шведского правления коммерческое мореплавание из финляндских портов разрешалось только в шведские порты, при российском правлении морское сообщение между финляндскими и шведскими портами сохранилось, включая и коммерческое мореплавание, также появилось коммерческое мореплавание между финляндскими портами и Санкт-Петербургом. Наконец, разрешено было и коммерческое мореплавание из финляндских портов в порты третьих стран, включая «владычицу морей» Великобританию.

Торговля между Финляндией и Великобританией не прекращалась даже в период Крымской войны, несмотря на то что Российская империя и Великобритания противостояли в этой войне друг другу. Так, в ходе одного из обстрелов городов Раахе и Оулу во время войны британский флот уничтожил грузы смолы и битума, предназначавшиеся британским покупателям, о чем даже сообщалось в британской прессе того времени [Auvinen 2015, s. 11]. Однако экспорт леса, который мог стать (и впоследствии действительно стал) основной статьёй финляндского экспорта, ограничивался противоречиями финляндского законодательства

в части права собственности на лес, с одной стороны, и действовавшим в стране запретом на строительство паровых лесопилок, с другой стороны. В конце 1850-х — начале 1860-х годов законодательные ограничения на торговлю лесом были сняты. Паровые лесопилки были разрешены, а за землевладельцами — причем в равной степени аристократами и простолюдинами — было закреплено право частной собственности не только на обрабатываемые сельскохозяйственные угодья, входившие в состав того или иного землевладения, но и на леса, включая право вырубki этих лесов. Окончательно ограничения, препятствующие развитию лесного хозяйства в Финляндии, были сняты в 1861 году.

Во-вторых, предлагаемые императором меры касались развития образования, включая образование на финском языке. Реформа образования в Великом княжестве Финляндском была осуществлена в 1860–1870-х годах, поэтому эта реформа будет рассмотрена ниже. Однако уже в 1858 году состоялась защита первой докторской диссертации на финском языке; доктором философии стал один из важнейших деятелей движения Фенномании Р. Полен, выбравший темой своей диссертации «Введение в письменную историю Финляндии». Наконец, в-третьих, ключевым стимулом для послевоенного восстановления и дальнейшего развития экономики Великого княжества Финляндского, по мнению императора, являлась реализация крупных инфраструктурных проектов, в первую очередь в сфере транспорта. Первым таким реализованным проектом стало завершение строительства Сайменского канала, строить который начали еще в эпоху Николая I.

Об ограниченности власти генерал-губернатора в Великом княжестве Финляндском говорит тот факт, что Ф. Ф. Берг выступал категорически против проведения церемонии запуска Сайменского канала 7 сентября 1856 года, в день коронации Александра II. Ведь он должен был присутствовать на коронации, — соответственно, ему пришлось бы пропустить церемонию ввода в строй крупнейшего инфраструктурного проекта Финляндии. Однако за проведение церемонии ввода в строй канала в день коронации нового императора выступал заместитель председателя экономической комиссии финляндского Сената Л. Г. Гартман, который в силу незначительности своей должности в масштабах Российской империи не мог принимать участия в коронации в качестве почетного гостя, в отличие от финляндского генерал-губернатора. Несмотря на то что в делах империи вес генерал-губернатора Великого княжества Финляндского был несомненно больше, чем у заместителя председателя экономической комиссии финляндского Сената, в делах финляндских слово

последнего зачастую имело больший вес, чем генерал-губернаторское. В результате Сайменский канал был введен в эксплуатацию в день коронации [Paaskoski 2002, s. 85-88].

Финляндская экономическая мысль второй половины XIX — начала XX века: между камерализмом и либерализмом

Экономические реформы в Великом княжестве Финляндском проводились в условиях дебатов между приверженцами либеральной и меркантилистской экономических теорий, которые ожесточенно велись среди финляндской политической и экономической элиты во второй половине XIX века. Меркантилизм — теория, приверженцы которой отталкивались от предположения, что государственное регулирование международной торговли таким образом, чтобы объем экспорта оказывался больше объема импорта, является необходимым условием не только экономического развития, но и безопасности государства, — зародился в XVI веке в итальянских портовых городах-государствах Венеции и Генуе. Оттуда идеи меркантилизма распространились в XVII веке по всей Европе. С началом индустриализации в XVIII веке теория меркантилизма приобрела новое звучание. Так, в конце XVIII века в США А. Гамильтон, а в середине XIX века в Германии Ф. Лист соглашались с тем, что либерализация международной торговли возможна лишь после проведения индустриализации и строительства транспортной инфраструктуры в отдельной стране.

Они полагали, что в противном случае экономическая, а вслед за тем и политическая безопасность и сама независимость государства окажется под угрозой. В Российской империи уже в начале XX века приверженцем неомеркантилизма был С. Ю. Витте [Hettne 1993, p. 241]. В Финляндию меркантилизм проник из Германии через Швецию, поэтому среди элиты Великого княжества Финляндского эта теория была в XIX веке более известна под названием камерализма, на немецкий манер. Ярким представителем финляндского камерализма был Гартман, занимавший должность заместителя председателя экономической комиссии финляндского Сената — должность, примерно соответствующую современной должности премьер-министра, — в 1841–1858 годах, то есть в конце правления Николая I и в начале правления Александра II. Кандидатура Гартмана оказалась удобной для российских имперских властей эпохи

Николая II, поскольку большая часть его жизни была связана со служением Российской империи.

В 1808 году, то есть еще до вхождения Финляндии в состав Российской империи, девятнадцатилетний Гартман приехал в Санкт-Петербург, куда его отец Г. Э. Гартман, профессор медицины, позднее ставший ректором Абоской академии, был назначен представителем этой академии. Сразу после формирования Великого княжества Финляндского в составе Российской империи молодой Гартман поступил на дипломатическую службу Российской империи, а в 1811 году вошел в состав Комиссии финляндских дел, которую возглавлял тогда Г. М. Армфельт. В конце 1820-х годов Гартман путешествовал по Европе, посетил Швецию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Францию, Великобританию, а также государства Северной Италии. В ходе этой поездки окончательно сформировались его экономические взгляды, реализованные им на практике после возвращения в Финляндию в 1830 году, где ему сразу была предложена должность сенатора.

В 1831 году он перешел на должность губернатора Або-Бьёрнеборгской губернии; в этом качестве он участвовал в переговорах, приведших к заключению торгового соглашения между Россией и Швецией. Также он был избран председателем Финляндского экономического общества. Наконец, при его непосредственном содействии при поместье Мустиала в Тавастгусской губернии в 1840 году было создано Сельскохозяйственное училище, целью которого было распространение передовых технологий в области животноводства среди финляндских крестьян. Создание училища способствовало развитию молочного животноводства в Финляндии во второй половине XIX века, уже после смерти Гартмана, благодаря чему масло стало, наряду с древесиной, важнейшей статьей финляндского экспорта. При жизни Гартман верил, что сельское хозяйство способно стать даже более важным источником национального дохода Финляндии, чем лесное хозяйство [Palo, Lehto 2012, p. 108]. Наконец, в 1840 году Гартман вновь стал членом финляндского Сената, а годом спустя получил должность заместителя председателя сенатской экономической комиссии, на которой и оставался вплоть до 1858 года.

Важнейшим достижением Гартмана в этой должности в николаевский период стало обеспечение, в современных терминах, финансового суверенитета Финляндии. Финансовая ситуация в Финляндии в первой половине XIX века была крайне запутанной, что обуславливалось сложностью финансовых аспектов перехода страны от шведского к российскому владычеству. Еще в 1830-х годах в обиходе Великого княжества

Финляндского использовались шведские деньги, частично серебро, но главным образом ассигнации. Стараниями Гартмана эти ассигнации были постепенно изъяты из оборота, обменены в Стокгольме на серебряные шведские кроны, которые затем были обменены в Санкт-Петербурге на серебряные рубли. Таким образом, именно серебряный рубль являлся основным платежным средством в Великом княжестве Финляндском в 1850-х годах, до появления серебряной финляндской марки уже после смерти Гартмана.

Кандидатура Гартмана в качестве заместителя председателя сенатской экономической комиссии оказалась также удобной для властей Российской империи после коронации Александра II, поскольку экономические взгляды Гартмана во многом совпадали с взглядами императора на пути восстановления и дальнейшего развития финляндской экономики после Крымской войны. Эти взгляды сформировались под влиянием европейского меркантилизма и особенно немецкого камерализма, преподававшегося в финляндских университетах в качестве основной экономической теории вплоть до начала XX века. Сторонниками сохранения камерализма в качестве основной экономической теории в финляндских университетах выступали многие представители интеллигенции и политической элиты. Так, усыновленный племянник Гартмана, В. Гартман, в 1880-х годах заседал в финляндском Сенате. Кроме того, в качестве сторонника преподавания камерализма как основной экономической теории выступала финляндская лютеранская церковь.

Во второй половине 1850-х годов Л. Г. Гартман, как и Александр II, рассматривал в качестве ключевого фактора послевоенного восстановления и последующего развития финляндской экономики реализацию крупномасштабных инфраструктурных проектов в транспортной сфере. Он стал одним из наиболее активных сторонников сооружения Сайменского канала, открытого еще при его жизни. Также при его поддержке в Финляндии начали разрабатываться планы строительства железных дорог, первый такой план был утвержден в 1851 году [Alameri 1979, s. 9]. Согласно этому плану, железная дорога должна была соединить Гельсинфорс и Тавастгус (ныне — Хямеэнлинна). Быстрому завершению строительства железной дороги помешала начавшаяся Крымская война, и ввод первой в Финляндии железной дороги в строй состоялся лишь после смерти Гартмана, в 1862 году.

Хотя камерализм играл важную роль в процессе выработки программы экономических реформ в Великом княжестве Финляндском в течение десятилетий после смерти Гартмана, во второй половине 1850-х го-

дов второй популярной в Финляндии экономической теорией стал либерализм. Так, в 1858 году Гартмана на посту заместителя председателя экономической комиссии финляндского Сената сменил Ф. Лагеншельд, чьи представления о наиболее приемлемом пути развития финляндской экономики существенно отличались от взглядов его предшественника. В отличие от Гартмана, экономические воззрения которого сформировались в результате его путешествий по странам Западной Европы, Лагеншельд происходил из незнатной и небогатой семьи и не мог позволить себе длительных путешествий за границу. Образование он получал в Российской империи, включая и Великое княжество Финляндское, и основную часть России.

Так, после окончания магистратуры по математике в Або в 1832 году, Лагеншельд отправился в Казанский университет изучать русский язык. В 1835–1838 годах он был вынужден вернуться в Финляндию, однако в 1839 году завершил свое обучение русскому языку в Москве. И уже в следующем году финляндский Сенат принял его на работу в качестве переводчика русского языка, которую он совмещал с должностью секретаря сенатской экономической комиссии. Пять лет спустя Лагеншельд был переведен в Санкт-Петербург на должность переводчика канцелярии статс-секретаря Великого княжества Финляндского, должность статс-секретаря в это время занимал А. Г. Армфельт. Благодаря протекции Армфельта в 1853 году Лагеншельд был назначен губернатором Санкт-Михельской губернии, год спустя — Нюландской губернии, а в 1857 году — Або-Бьёрнеборгской губернии. Помимо содействия Армфельта, карьерному росту Лагеншельда немало способствовала и его женитьба в 1848 году на дочери финляндского сенатора У. Бьёркстена.

В том же 1857 году Лагеншельд стал членом финляндского Сената, а уже в следующем году возглавил сенатскую финансовую комиссию; Л. Г. Гартман был вынужден уйти в отставку из-за многочисленных конфликтов с генерал-губернатором Ф. Ф. Бергом. Заняв место Гартмана, Лагеншельд активно способствовал завершению и дальнейшему развитию крупных инфраструктурных проектов, которые его предшественник полагал залогом экономического развития Финляндии. Так, хотя строительство Сайменского канала было завершено еще при жизни Гартмана, на плечи Лагеншельда легла задача по соисканию высочайшего одобрения правил его использования, утверждение которых открыло путь для коммерческого использования канала [Paaskoski 2002, s. 91]. Также в период пребывания Лагеншельда у руля финляндской экономики было завершено начатое при Гартмане строительство железной дороги из Гель-

синфорса в Тавастгус. Более того, при Лагеншельде были разработаны планы по развитию железнодорожной сети на север до Таммерфорса (Тампере) и на запад до Або (Турку), а также от станции Рийхимяки (на полдороге между Гельсинфорсом в Тавастгусом) до Выборга и далее до Санкт-Петербурга.

Аналогично образовательная политика, основы которой были заложены при Гартмане, продолжала реализовываться и при Лагеншельде, хотя существенные результаты в этой сфере были достигнуты уже после его смерти. Наконец, меры, направленные на увеличение экспорта путем либерализации внешней торговли как с основной частью Российской империи, так и с зарубежными странами, запланированные при Гартмане, были реализованы при Лагеншельде. В первую очередь эти меры коснулись торговли между Финляндией и основной частью Российской империи. Был упорядочен процесс сбора таможенных пошлин за провоз товаров из Финляндии в остальную Россию и обратно. Также было принято постановление, направленное на достижение баланса в торговле между Финляндией и остальной Россией, которое поставило размер взимаемых таможенных пошлин в зависимость от цели уравнивания стоимости товара, вывозимого из Финляндии в остальную Россию и ввозимого в Финляндию из остальной России.

Первой собственной инициативой Лагеншельда стала либерализация розничной торговли внутри самой Финляндии. В XIX веке системы местного самоуправления в городах и в сельской местности в Великом княжестве Финляндском существенным образом различались. Если в городах система местного самоуправления основывалась на городском самоуправлении, появившемся еще во времена шведского владычества и не ликвидированном после перехода Финляндии под власть российской империи, то система сельского самоуправления формировалась на основе помещичьего землевладения, с одной стороны, и системы церковных приходов, с другой стороны. Благодаря этому разделению розничная торговля в Финляндии концентрировалась в городах вокруг рынков, к которым позднее добавились магазины, в то время как в сельской местности преобладал натуральный обмен, а розничная торговля практически отсутствовала (за исключением бродячих торговцев). Лишь при Лагеншельде в Финляндии было разрешено устройство магазинов в сельской местности.

Также Лагеншельд инициировал отмену системы ремесленных гильдий, действовавших в финляндских городах еще со времен Средневековья. Гильдии устанавливали правила, согласно которым мастера могли

принимать в обучение учеников и подмастерьев, а также проводили экзамены, которые могли сдавать подмастерья, завершившие срок своего обучения у мастера и желающие сами стать мастерами. Лишь сдавшие экзамен мастера получали право самостоятельно заниматься своим ремеслом и продавать произведенную продукцию. Кроме того, гильдии занимались регулированием цен на товары и услуги мастеров, что к XIX веку стало серьезным препятствием на пути экономического развития. Унаследованная со шведских времен финляндская система гильдий значительно отличалась от системы гильдий, существовавшей в отдельных городах России до Петра I, ставшей обязательной для всех городов при Петре I и уточненной в Жалованной грамоте городам, данной Екатериной II в 1785 году.

Скорее, финляндские гильдии создавались по образцу германских гильдий, по примеру которых Петром I были созданы в России ремесленные цехи, статус которых был уточнен Цеховым уставом 1799 года, принятым уже в годы правления Павла I [Перова 2009]. Российские же гильдии регулировали не только экономическую деятельность своих членов, но их взаимоотношения с государством; например, вступившие в гильдию члены ремесленных цехов освобождались от уплаты подушной подати и от рекрутской повинности, которая заменялась для них денежным сбором. Любопытно, что в России отмена цеховых ограничений на ремесленную деятельность началась практически одновременно с отменой гильдий в Финляндии. Так, в России в 1865 году была отменена третья гильдия, в которую входили купцы и ремесленники, задекларировавшие капитал размером от пятисот до тысячи рублей, благодаря чему исчезли ограничения на деятельность малых предпринимателей.

Аналогично и в Финляндии гильдии были ликвидированы в 1868 году, то есть уже после смерти Лагеншельда; вместо гильдий ремесленники были обязаны создавать профессиональные союзы, которые по-прежнему проводили экзамены на статус мастера и устанавливали стандарты выпускаемой продукции. Однако запрет для лиц, не являющихся членами этих профессиональных союзов, заниматься ремеслом был отменен, что также способствовало развитию малого предпринимательства в Великом княжестве Финляндском. Уже после провозглашения независимости Финляндии профессиональные союзы ремесленников были объединены в Центральный союз малой промышленности, который действует до сих пор под названием Совета мастерских гильдий. Сегодня Совет занимается главным образом организацией

мероприятий, способствующих сбыту продуктов ручного труда. В России, в свою очередь, вступление в гильдии стало добровольным в 1898 году, при Николае II; в годы правления последнего российского императора к гильдиям присоединялись ради статуса принадлежности к купеческому сословию, которое было окончательно ликвидировано после 1917 года.

Главной инициативой Лагеншельда в период его пребывания у руля финляндских финансов стало появление в 1860 году финляндской марки, хотя вплоть до начала XXI века большинство финнов были убеждены, что отцом финляндской марки являлся не Лагеншельд, но сменивший его на посту заместителя председателя сенатской экономической комиссии в 1863 году Й. В. Снелльман [Nurmi 2001] (введение финляндской марки потребовало создания в Сенате финансовой комиссии, должность председателя которой также занял Снелльман). Своим появлением финляндская марка обязана сочетанию камералистских и либеральных идей, равно распространенных в финляндском Сенате в середине XIX века. С одной стороны, появление финляндской марки рассматривалось приверженцами камералистских идей в Сенате в качестве одной из мер, направленных на увеличение финляндского экспорта, наряду с крупными инфраструктурными проектами, такими как строительство Сайменского канала и железной дороги.

С другой стороны, появлению финляндской марки способствовали и приверженцы либеральных взглядов в Сенате, которые рассматривали в качестве залога экономического развития Финляндии не столько крупные инфраструктурные проекты, сколько жесткую денежную политику. Момент для появления финляндской марки был выбран крайне удачно: с одной стороны, еще в период нахождения Гартмана у руля финляндской экономики страна полностью перешла на российские рубли как во внешней, так и во внутренней торговле; с другой стороны, курс рубля стал неустойчивым вследствие поражения России в Крымской войне, приведшего к опустению государственной казны. В частности, в годы Крымской войны Финляндский банк перестал обменивать российские ассигнации на серебро по номинальному курсу, а в 1859 году Лагеншельд обратился к императору с просьбой возобновить обмен российских ассигнаций на серебро, но не по номиналу, а по курсу, устанавливаемому на торгах на Санкт-Петербургской бирже. Не получив ответа на это прошение, Лагеншельд обратился к императору с прошением о даровании Финляндскому банку права выпускать собственные ассигнации.

В Санкт-Петербурге удовлетворение этого прошения сочли меньшим из двух зол. И в 1860 году был подписан императорский указ об изменении денежной единицы на землях Великого княжества Финляндского [Talvio 2003, s. 32]. Финляндский Сенат мог самостоятельно выбрать наименование для своей валюты. В условиях, когда значительным влиянием в Великом княжестве обладало движение Фенномании, ставившее своей целью повсеместное распространение и использование финского языка, рассматривались такие варианты наименования финской валюты, как, например, суомо (предполагалось, что один суомо будет составлять сто рахту) или сампо (которое должно было составлять сто муру). В итоге победило наименование марка, одна марка должна была составлять сто пенни. Первоначально финляндская марка была привязана к российскому рублю, четыре марки составляли один рубль. Привязка марки к серебру была произведена уже после смерти Лагеншельда его преемником Снелльманом, отчего за последним закрепился титул «отца финской марки».

Финансовая политика Лагеншельда включала и меры по развитию в стране банковского сектора. Так, в 1860 году был создан Сельскохозяйственный кредитный банк, а в 1861 году — Частный промышленный банк; перед банками была поставлена задача по стимулированию развития сельского хозяйства и промышленности путем кредитования фермеров и промышленников соответственно. Новые банки выдавали кредиты уже в финляндских марках, для чего им были, в свою очередь, предоставлены кредиты Финляндского банка, что способствовало не только быстрому вводу в оборот новой валюты, но и увеличению денежной массы. Это не только приводило к укрупнению малых фермерских хозяйств и внедрению в укрупненных хозяйствах передовых для того времени сельскохозяйственных решений, а также к появлению новых мануфактур, лесопилок и крупных ремесленных предприятий, но и к оживлению внутренней торговли в Великом княжестве Финляндском.

Модернизация Великого княжества Финляндского в 1860-х годах

Во второй половине 1850-х годов экономическим реформам в Великом княжестве Финляндском не сопутствовали политические реформы. Как и его предшественники Александр I и Николай I, Александр II, зая-

вивший о необходимости проведения в Финляндии экономических реформ еще в 1855 году, не спешил объявлять о созыве Сейма. Сейм Великого княжества Финляндского был созван вновь лишь в 1863 году. Важную роль в созыве Сейма сыграли как внутривластные противоречия в системе управления Великим княжеством Финляндским, так и события, происходившие в других частях Российской империи, в первую очередь Польское восстание 1863–1865 годов. При Николае I, в годы правления которого Сейм не созывался ни разу, принятие политических решений находилось в руках трех конкурирующих политических институтов: императора, генерал-губернатора и Сената.

При императоре в Санкт-Петербурге действовал институт министра — статс-секретаря Великого княжества Финляндского; в 1842–1876 годах должность статс-секретаря занимал А. Г. Армфельт. Именно от статс-секретаря император получал основную информацию о состоянии дел в Великом княжестве Финляндском, а также советы о тех делах Финляндии, которые требовали императорского внимания. В Гельсингфорсе заседал финляндский Сенат, заместитель председателя экономической комиссии которого осуществлял функции, соответствующие должности премьер-министра в независимом европейском государстве. На этой должности последовательно сменяли друг друга в 1841–1858 годах Л. Г. Гартман, в 1858–1863 годах — Ф. Лагеншельд, а в 1863–1868 годах — Й. Снелльман. Наконец, существовала должность генерал-губернатора Великого княжества Финляндского, который занимал промежуточное положение между Санкт-Петербургом и Гельсингфорсом, поскольку большинство генерал-губернаторов не происходили из Финляндии, хотя некоторые из них имели с Финляндией тесные связи в прошлом. Так, сменивший в 1861 году Ф. Ф. Берга на должности финляндского генерал-губернатора П. И. Рокасовский в 1848–1854 годах служил помощником финляндского генерал-губернатора А. С. Меншикова [Ковалевский 2005].

В 1858 году Л. Г. Гартман был вынужден уйти в отставку из-за конфликта с Ф. Ф. Бергом, что благодаря статс-секретарю А. Г. Армфельту стало немедленно известно императору. Также после смерти Николая I в среде финляндской элиты, включая и помещиков, и сенатских чиновников, и университетскую интеллигенцию, появились ожидания, что при новом императоре станет возможным созыв Сейма. Об этом А. Г. Армфельт также немедленно сообщил императору. Благодаря этому в 1859 году император поручил Сенату и генерал-губернатору составить перечень дел, которые могли бы быть вынесены на рассмотрение Сейма,

если бы он был созван. При этом император продолжал колебаться по вопросу о необходимости созыва финляндского Сейма как такового. Складывается впечатление, что, поручая Сенату и генерал-губернатору составить указанный перечень, император не только и не столько преследовал цель созыва Сейма, сколько стремился разграничить сферы ответственности между генерал-губернатором и Сенатом, дабы сгладить некоторые конфликты между ними в будущем.

Соответствующий документ был подготовлен и представлен императору в 1861 году. Более того, Ф. Лагеншельд лично отправился в Санкт-Петербург в надежде получить аудиенцию у императора и убедить его созвать Сейм. Однако он смог встретиться лишь со статс-секретарем А. Г. Армфельтом, который сообщил ему, что император продолжает колебаться по вопросу о целесообразности созыва Сейма. В свою очередь, Ф. Лагеншельд предложил в качестве компромиссной меры создать однопалатную представительную комиссию (предполагалось, что Сейм будет четырехпалатным, причем в каждой палате будут заседать представители одного из четырех сословий: аристократии, духовенства, буржуазии и крестьянства), в которую вошло бы равное число представителей от всех четырех сословий. Это компромиссное предложение вызвало одобрение императора, который счел, что представительную комиссию можно будет созвать вместо Сейма.

Путем созыва представительной комиссии вместо Сената Александр II надеялся успокоить тех в Финляндии, кто требовал созыва Сейма, не созывая при этом сам Сейм. Однако, когда в апреле 1861 года в Финляндии был объявлен высочайший указ о созыве представительной комиссии, это не только не заставило тех, кто требовал созыва Сейма, забыть о своих требованиях, но, напротив, спровоцировало массовые протесты, ставшие, по мнению М. Клинге, первыми массовыми протестами в Финляндии [Klinge 1967]. Ключевую роль в массовых протестах сыграли преподаватели и студенты Александровской академии, ныне — Хельсинкского университета. К ним присоединились многие представители аристократии, духовенства и столичной буржуазии и даже некоторые представители крестьянства. Как и ранее в аналогичных случаях, статс-секретарь А. Г. Армфельт позаботился о том, чтобы о протестах немедленно стало известно императору.

Вскоре был издан новый высочайший указ, в котором разъяснялось, что представительная комиссия созывается с единственной целью — начать подготовку к проведению Сейма. Новый указ частично успокоил общественное мнение. Любопытно, что в контексте протестов по поводу

попыток императора подменить созыв Сейма представительной комиссией ключевым тезисом стало то, что таким образом якобы нарушается «основной закон» Великого княжества Финляндского (сегодня термином «основной закон» в Финляндии называется конституция страны). При этом зафиксированного в письменном виде «основного закона» в Финляндии в 1861 году не существовало, но политическая система страны строилась на основе устных обещаний, данных императором Александром I на Боргоском сейме 1809 года. Отталкиваясь от требований общественного мнения, профессор права Й. Ф. Пальмен, впоследствии ставший заместителем председателя правового департамента Сената, опубликовал свой проект финляндского «основного закона».

В конце 1861 года Александр II решил заменить генерал-губернатора Ф. Ф. Берга, конфликтовавшего с Сенатом в условиях, когда общественное мнение было на стороне Сената, на П. И. Рокасовского, приобретшего в годы своей службы в Финляндии под началом генерал-губернатора А. С. Меншикова положительную репутацию среди финляндской элиты. Перед П. И. Рокасовским была поставлена задача успокоить общественное мнение в Финляндии, чтобы избежать радикализации требований финляндской элиты, включая возможное появление требования даровать Великому княжеству Финляндскому письменный «основной закон». С этой задачей П. И. Рокасовский в целом справился. Представительная комиссия, в которую вошли по двенадцать представителей от каждого из четырех сословий, собралась в январе 1862 года и занялась подготовкой к созыву Сейма. В финляндской историографии она получила наименование «январской комиссии».

В состав январской комиссии от аристократии вошел, в частности, представитель рода Армфельтов, родственник статс-секретаря А. Г. Армфельта А. М. Г. Армфельт. От духовенства членами январской комиссии стали ректор Александровского (Хельсинкского) университета, профессор химии А. Э. Арппе и профессор теологии того же университета Ф. Л. Шауман. Среди представителей буржуазии наиболее известным был лидер движения Фенномании Й. В. Снелльман. От крестьянства в состав январской комиссии вошел фермер и поэт А. Пухакка. Председателем комиссии был избран сенатор Й. У. С. Грипенберг. Начало работы комиссии ознаменовало завершение перерыва в работе финляндского Сейма, длившегося с закрытия Боргоского сейма 1809 года вплоть до начала работы нового Сейма в 1863 году; в финляндской историографии этот перерыв получил известность как «государственная ночь» [Jussila 2004, s. 141].

В январе 1863 года в Польше вспыхнуло восстание, продлившееся более пятисот дней. Общественное мнение в странах Западной Европы, включая Швецию (но исключая Пруссию и Австро-Венгрию, бывших, наряду с Российской империей, «соавторами» разделов Польши), активно поддерживало поляков. В Великом княжестве Финляндском многие также следили за успехами польских повстанцев и сочувствовали их неудачам. Активную роль в информировании финляндской элиты о событиях в Польше сыграли представители финляндской эмиграции, проживавшие в это время в Стокгольме. В частности, И. Я. Нордстрём, бывший профессор права Александровской академии и один из основателей Финского литературного общества, в годы правления Николая I переехал в Стокгольм, где в 1853–1863 годах был депутатом Риксдага. Он выступал за формирование Скандинавской федерации, в которую вошли бы не только Дания (владевшая в те годы Исландией) и Швеция (владевшая в те годы Норвегией), но и Финляндия на правах широкой автономии [Рудницкая 1985, с. 366].

Между ситуацией в Польше и ситуацией в Финляндии в 1863 году наблюдалась, однако, существенная разница. Одним из основных требований Польского восстания было требование восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года. Территория Польши не только была разделена между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией, но и внутри Российской империи территории, в XVIII веке входившие в состав Речи Посполитой, были разделены между собственно Царством Польским, а также Западным и Прибалтийским краями. Финляндия, напротив, разделенная на отдельные губернии в составе Шведского королевства в шведский период своей истории, впервые была объединена именно в составе Великого княжества Финляндского. Таким образом, тезис о «разделенном народе», который играл важную роль, заставляя большое число поляков активно участвовать в восстании, практически не оказывал влияния на политическую мотивацию жителей Финляндии. К тому же жители Финляндии ожидали открытия Сейма, которое должно было состояться позднее в том же 1863 году.

Александр II сдержал свое обещание, и финляндский Сейм открылся в середине сентября 1863 года. В своей речи на открытии заседаний Сейма 18 сентября император провозгласил, что Сейм вправе принимать решения по любым вопросам, касающимся жизни Великого княжества Финляндского, за исключением вопроса об «основном законе», включая и любые обсуждения ограничения императорской власти в Финляндии. Российский император сохранял за собой верховную

власть во всех делах Великого княжества Финляндского, и любой закон, который был бы принят на заседании данного или последующих Сеймов, вступал в силу только после утверждения его императором. Такой порядок продолжал действовать вплоть до конца XIX века. Одновременно сохранялось разделение властей между генерал-губернатором и Сенатом, и если генерал-губернатор отказывался доложить императору о принятых Сеймом законах с целью их последующего утверждения, то доложить императору имел право и Сенат, независимо от генерал-губернатора.

Накануне начала работы Сейма Александр II подписал указ о финском языке, который предполагал не только повсеместное внедрение образования на финском языке, что император обещал еще в своем программном выступлении в Финляндии в 1855 году, но и постепенный перевод делопроизводства в Финляндии на финский язык. Императорский указ предполагал перевод делопроизводства на финский язык в течение двадцати лет. В ходе заседаний Сейма 1863–1864 годов Й. Снелльман предлагал принять закон о языке, ускоряющий введение делопроизводства на финском языке. Сам Й. Снелльман выступал в защиту своего законопроекта в палате буржуазии, в палате аристократии в поддержку этого законопроекта активно выступал В. Шильд, в палате крестьян — Э. Клами [Kotilainen 2015, p. 158]. Однако возобладали точка зрения, что страна не готова к более быстрому переводу делопроизводства на финский язык, и рекомендованная императорским указом отсрочка в двадцать лет была сохранена.

После отъезда Александра II Сейм занялся законодательской работой, причем заседания продолжались вплоть до апреля 1864 года. Сейм утвердил все реформы, проведенные ранее заместителями председателями сенатской экономической комиссии Л. Г. Гартманом и Ф. Лагеншельдом. Также Сейм провел реформу местного самоуправления в сельской местности, обеспечив независимость органов местного самоуправления (коммун) как от помещиков, так и от духовенства. Так, были ликвидированы дворянские привилегии, такие как исключительное право лиц, принадлежащих к дворянскому сословию, на особое судебное разбирательство в случае убийства на дуэли, а также исключительное право владеть поместьями, не платить душевую подать и устраивать на территории поместий постоянные дворы. Теперь право приобретать поместья и строить на них постоянные дворы приобрели также представители иных сословий.

Также органы местного самоуправления в сельской местности были решением Сейма отделены от церковных приходов. В частности, органы местного самоуправления были наделены полномочиями организовывать школьное образование на своей территории. При этом каждый орган самоуправления был вправе самостоятельно принимать решение, будет ли в нем создана независимая от церковной система начального образования, или же местное самоуправление будет лишь оказывать поддержку церковному образованию. Таким образом, была сформирована основа для реформы школьного образования, проведенной в конце 1860-х — начале 1870-х годов. Также органам местного самоуправления передавались функции по организации здравоохранения. При этом был учтен опыт борьбы с эпидемией холеры, имевшей место в Финляндии в начале 1830-х годов, в ликвидации которой участвовал собиратель «Калевалы» Э. Лённрут, врач по профессии.

Заседания Сейма продолжались вплоть до апреля 1864 года. Было принято решение созвать следующий Сейм не позднее чем через пять лет, но по возможности — через три года, в 1867 году. Император не приехал на церемонию закрытия Сейма, однако текст выступления императора был зачитан генерал-губернатором. Важно, что, хотя формально генерал-губернатором являлся П. И. Рокасовский, в апреле 1864 года он отсутствовал в Гельсингфорсе, и исполняющим обязанности генерал-губернатора был назначен Й. М. Норденстам, член финляндского Сената и председатель палаты аристократии Сейма. Именно он ранее привез из Санкт-Петербурга императорский указ о созыве Сейма, и именно он зачитал императорскую речь на его заключительном заседании. По сути, Финляндия была предоставлена сама себе. Однако, предоставив право элите Великого княжества Финляндского самой принимать решения по вопросам экономического развития своей страны, императорская власть оставила право вето по политическим решениям за собой.

Так, в том же 1864 году финляндский Сенат создал конституционный комитет, который возглавил все тот же Й. М. Норденстам. Военный по профессии и призванию, офицер российской армии, отслуживший 18 лет на Кавказе в 1830–1840-х годах, Й. М. Норденстам являлся убежденным монархистом. В 1847 году он вернулся в Финляндию, где получил должность вице-канцлера Александровской академии; в 1848 году, во время очередной революции во Франции, своей главной задачей он видел недопущение начала волнений среди студентов в Гельсингфорсе

в поддержку французской революции [Paasivirta 1981, p. 76–77]. Предполагалось, что если он возглавит конституционный комитет, то под его руководством будут сформулированы компромиссные предложения по организации политической системы Великого княжества Финляндского, которые получат одобрение в Санкт-Петербурге.

В ходе заседаний Сейма в 1863–1864 годах, хотя депутаты, придерживавшиеся либеральных взглядов, составляли большинство практически во всех палатах Сейма, Й. М. Норденстам вместе с тем сумел обеспечить достижение компромисса между ожиданиями финляндских либералов и теми пределами, до которых императорская власть в Санкт-Петербурге полагала либерализацию допустимой. Однако повторить свой успех в ходе заседаний конституционного комитета Й. М. Норденстам не смог. Возобладала точка зрения либералов, которые требовали четко определить полномочия Сената, то есть, по сути, требовали разделения властей между императором и генерал-губернатором (как его непосредственным представителем) и Сенатом. На это власти в Санкт-Петербурге пойти не захотели. В результате сформулированные конституционным комитетом предложения были отвергнуты императором, и принятие решения о том, чтобы сделать заседания Сейма регулярными, было отложено вплоть до созыва следующего Сейма в 1867 году. Разделения же властей между императором и Сенатом на территории Великого княжества Финляндского не появилось вплоть до распада Российской империи в результате Первой мировой войны.

Еще одним важным решением, принятым в период между заседаниями Сейма 1863–1864 и 1867 годов, стало решение о привязке финляндской марки к серебру, реализованное в 1865 году. Й. Снельман, которого Ф. Лагеншельд видел в качестве своего преемника на посту заместителя председателя экономической комиссии Сената, продолжил работу своего предшественника по укреплению национальной валюты как необходимого условия развития международной торговли и экономического развития Великого княжества Финляндского. В свою очередь, в Санкт-Петербурге в условиях, когда финляндский конституционный комитет требовал разделения властей между императором и Сенатом, разрешение Банку Финляндии чеканить собственную серебряную монету было воспринято в качестве удачного компромисса. Решение о привязке марки к международному серебряному стандарту было одобрено на заседании собравшегося в 1867 году Сейма.

Модернизация Финляндии в конце 1860-х — начале 1880-х годов

Созыв Сейма 1867 года пришелся на третий подряд голодный год в Великом княжестве Финляндском. В августе 1865 года неожиданные заморозки уничтожили значительную часть урожая. Нехватка продовольствия спровоцировала начало эпидемии брюшного тифа, унесшего жизни 57 тысяч человек. Поскольку в основной части Российской империи крепостное право было отменено еще в 1861 году, многие финляндские крестьяне смогли перебраться в Россию без опасения, что они будут закрепощены. В 1866 году чрезмерные осадки погубили урожай картофеля. Финляндский Сенат запретил самогонование, надеясь таким образом сохранить часть урожая для населения и для посадок в будущем году; этот запрет действует в Финляндии до сих пор. Зима 1866/1867 года выдалась очень суровой, весна пришла поздно, что также не способствовало хорошему урожаю. В результате больше всего людей умерло в Финляндии от голода в 1868 году — свыше 130 тысяч человек. Голод закончился лишь после сбора урожая 1868 года. Всего за четыре голодных года население страны уменьшилось более чем на 10%, и лишь в 1873 году численность населения превысила показатель 1865 года [Häkkinen et al., 1991].

Голод 1865–1868 годов способствовал усилению позиций критиков либеральных экономических реформ и лично их проводника Й. Снелльмана. Наибольшей критике подверглась привязка финляндской марки к серебряному стандарту вместо российского рубля. Ожидалось, что появление серебряной марки будет способствовать оживлению международной торговли и, как следствие, наполнению казны за счет таможенных сборов и налогов с производителей, которые смогут увеличить производство в условиях растущего экспорта, однако в краткосрочном плане даже самые скромные ожидания от денежной реформы оказались завышенными. Кроме того, введение серебряного стандарта ограничило возможность провести заимствования Сенатом дополнительных средств, которые могли бы быть использованы для закупки продовольствия и раздачи его особо нуждающимся.

В период голода Финляндия закупала зерно не только в остальной части Российской империи, но и в странах Западной Европы. Для закупок зерна использовались как средства финляндского Сената, так и частные пожертвования; имперское правительство также предоставило помощь Великому княжеству Финляндскому. Однако всех этих средств

оказалось недостаточно для того, чтобы предотвратить массовую гибель людей от голода. В 1866 году был отправлен в отставку генерал-губернатор П. И. Рокасовский, новым генерал-губернатором стал Н. В. Адлерберг. Кроме того, возникли проблемы с доставкой продовольствия в Финляндию из основной части России; неудивительно, что важнейшим вопросом, по которому было принято решение в ходе заседаний Сейма 1867 года, был вопрос о финансировании за счет средств Сената строительства железной дороги до Санкт-Петербурга.

П. И. Рокасовский полагал своей главной обязанностью на посту финляндского генерал-губернатора препятствование распространению в Финляндии антиимперских настроений, причем, по его мнению, этого можно было достичь, предоставив финляндской элите самой определять контуры экономической политики в Великом княжестве. В отличие от него, Н. В. Адлерберг с самого начала вознамерился активно вмешиваться в финляндскую экономику. Кроме того, одной из своих задач новый генерал-губернатор видел «культурное сближение Финляндии и России» [Загора 2018, с. 360]. На почве экономической и культурной политики у него неизбежно возникли разногласия с председателем финансовой комиссии Сената и лидером движения Фенномании Й. Снельманом. Популярность последнего среди финляндской элиты в это время снизилась в условиях, когда большинство ее представителей полагали проводимую Й. Снельманом финансовую политику косвенной причиной неспособности Сената справиться с голодом в стране. В результате в 1868 году Й. Снельман был вынужден уйти в отставку.

Вторым важным решением, принятым Сеймом 1867 года, было решение утвердить проект порядка работы Сейма. Как и любое важное законодательство, данный порядок не был принят непосредственно Сеймом, но был направлен им на утверждение императору; порядок был утвержден императорским «всемилоостивейшим указом» лишь два года спустя, в 1869 году. Новый порядок не вводил разделения властей между Сеймом и императором, но сохранял правило, согласно которому любое законодательство, принимаемое Сеймом, вступало в силу лишь после утверждения его императором. В новом порядке официально устанавливалось, что отныне Сейм в Финляндии собирается не по указу императора, но периодически, как правило, раз в три года, однако не реже, чем раз в пять лет. Кроме того, в новом порядке упоминалось, что депутаты Сейма являются представителями всего населения Великого княжества Финляндского, но не представителями отдельных сословий, делегировавших их для работы в различных палатах Сейма [Mylly 2006, s. 32–33].

В соответствии с этим порядком Сейм работал вплоть до создания Эдускунты в период правления Николая II.

Строительство железной дороги, соединившей Гельсинфорс с Санкт-Петербургом через Рийхимяки и Выборг, завершилось в 1870 году. В основном строительство железной дороги велось на средства финляндского Сената, и после окончания строительства было определено, что все сооружения железной дороги, включая старое здание Финляндского вокзала в Санкт-Петербурге, принадлежат Великому княжеству Финляндскому. Вместе с тем значительные средства были выделены также и из имперской казны, поскольку считалось, что железная дорога может сыграть и стратегическую роль. В случае начала войны между Российской империей и одной из великих европейских держав, чьи войска, как ожидалось, могут высадиться на территории Великого княжества Финляндского, по железной дороге можно было бы перебросить войска из центральной части Российской империи. Кроме того, генерал-губернатор Н. В. Адлерберг, пользовавшийся расположением императора, полагал, что железная дорога будет способствовать «сближению финляндцев с метрополией» [Востров 2016, с. 29].

Ликвидация последствий голода 1864–1868 годов позволила как городским, так и многим сельским самоуправлениям приступить к реализации реформы школьного образования, обещанной императором еще в ходе его первого визита в Великое княжество в 1855 году. До середины XIX века подавляющее большинство жителей Финляндии обучались грамоте благодаря церкви. В середине XIX века появились благотворительные школы при некоторых поместьях, которыми владели высокообразованные и стремящиеся способствовать развитию Финляндии землевладельцы, а также при первых мануфактурах. В 1850-е годы за такими школами закрепилось название «народные школы», поскольку обучение в них было бесплатным, и туда приходили главным образом представители тех слоев населения, кто не мог позволить себе частную школу. В 1866 году Сенатом было принято постановление, узаконившее народные школы и возложившее обязанность по созданию народных школ на новые органы местного самоуправления, созданные на основе решений Сейма 1863–1864 годов.

Это постановление обязало городские самоуправления создавать народные школы, в сельской местности решение о создании народной школы принималось местным самоуправлением. Обучение в народной школе должно было длиться четыре года. Однако обучение было добровольным, поэтому многие крестьяне забирали своих детей из школы по-

сле окончания одного-двух классов, а некоторые и вовсе не посылали своих детей в школу. Более того, многие самоуправления приняли решение и вовсе не строить народную школу, полагая, что церковная система обучения грамоте является достаточной [Isosaari 1973, s. 43]. Действовавшая еще со шведских времен церковная система не предполагала строительства отдельного школьного здания в каждой деревне, но планировалось, что один учитель будет обучать детей из нескольких деревень, посещая каждую из деревень, находящихся на его попечении, в определенный день.

Соответственно, строить специальное здание для школы не было нужды, но занятия проводились в любом подходящем помещении, будь то дом помещика или священника, церковь, любое общественное здание или даже большая изба одного из жителей деревни. Строительство школ во всех сельских самоуправлениях в обязательном порядке началось лишь в самом конце XIX века. Несмотря на необязательность посещения школы и несмотря на право органов самоуправления самостоятельно решать, будут ли они строить школу в принципе, в 1870-е годы в большинстве финляндских городов и во многих сельских самоуправлениях Великого княжества появились народные школы. В результате к 1880 году, хотя около 85 % населения Финляндии умели читать, лишь порядка 10 % населения умели читать и писать. Образование на уровне выше народной школы было менее чем у 2 % всего населения.

Снижение популярности Й. Снелльмана среди финляндской элиты вследствие его противоречивых действий на посту председателя финансовой комиссии Сената в годы голода (1864–1868) привело к снижению популярности либеральных идей в финляндском обществе. Также это способствовало снижению популярности движения Фенномании, которое практически безальтернативно доминировало в финляндской интеллектуальной элите на протяжении почти полувека с момента образования Великого княжества Финляндского. Однако в конце 1860-х годов в качестве альтернативы ему сформировалось движение Свекомании. Если Й. Снелльман и движение Фенномании стремились к тому, чтобы со временем финский язык вытеснил шведский из всех сфер деятельности Великого княжества Финляндского, то движение Свекомании выступало за сохранение двуязычия в единой стране.

В ходе заседаний Сейма 1872 года движения Фенномании и Свекомании сыграли роль прототипов политических партий. По настоянию сторонников движения Свекомании Сейм принял решение выделить средства на создание в Александровской академии должности профес-

сора шведского языка. Эту должность занял А. У. Фрейденталь, получивший образование в Швеции, Дании и Германии, ранее занимавший в Александровской академии должность доцента античности. В последующие годы, во многом благодаря деятельности Фрейденталья, движение Свекомании смогло сформировать свою идеологическую платформу и привлечь на свою сторону значительную часть населения Великого княжества Финляндского, для кого шведский был родным языком. После появления в Финляндии в начале XX века представительного парламентаризма на основе движения Свекомании сформировалась Шведская народная партия, ставшая значимой политической силой после провозглашения независимости Финляндской Республики и остающаяся таковой и поныне.

В период между заседаниями Сейма 1872 и 1877 годов наиболее значимой реформой, осуществленной финляндским Сенатом, стала реформа патентного права 1876 года. Хотя финляндский Сенат выдавал патенты и ранее, в 1876 году была создана одинаковая для всех соискателей патентов процедура признания, а также единая для всех держателей патентов система привилегий. Положение о патентах, одобренное Сенатом в 1876 году, основывалось на тех же принципах, что и шведская реформа патентного права 1856 года. Это положение существенно отличалось от основополагающего документа в области патентного права, действовавшего в то время на основной части Российской империи, — Положения о привилегиях 1833 года [Орлов 2007, с. 5]. Собственное положение о патентах действовало в Финляндии на протяжении более двадцати лет, однако в 1898 году оно было заменено на новое, целью которого было привести принципы патентного права в Великом княжестве Финляндском в соответствие с теми принципами, которые действовали в основной части Российской империи.

Важнейшим решением Сейма 1877 года стала привязка финляндской марки к золоту. Осуществленная за двенадцать лет до этого привязка финляндской марки к серебру оценивалась финляндской элитой неоднозначно, поэтому идея о привязке финляндской марки к золоту вызвала жаркую полемику между депутатами Сейма. Как и ранее при принятии решения о введении серебряного стандарта, в поддержку введения золотого стандарта для финляндской марки активно выступал Й. В. Снелльман. Правда, он более не был председателем финансовой комиссии Сената, однако после своей отставки в 1868 году он не ушел полностью из экономической политики. Уже в 1869 году Й. В. Снелльман возглавил Финляндский ипотечный союз — созданную финлянд-

ским Сенатом организацию, целью которой было стимулировать выкуп арендаторами земли у землевладельцев путем предоставления им кредитов. Деятельность ипотечного союза способствовала существенному увеличению числа собственников земли в Великом княжестве Финляндском.

Й. Снелльман пользовался влиянием как у аристократии, к которой принадлежало большинство крупных землевладельцев в Финляндии, так и у крестьянства, многие из которых благодаря ипотечному союзу получили возможность приобрести в собственность обрабатываемую ими землю. Неудивительно, что Й. Снелльман сумел убедить Сейм принять решение о переходе к золотому стандарту. Содержание финляндской марки было установлено на уровне французского франка — одной из наиболее прочных европейских валют того времени. Однако самому Й. Снелльману это решение стоило карьеры. Среди финляндской общественности начала распространяться информация о многочисленных случаях, когда стоимость того или иного участка земли была ипотечным обществом оценена не вполне корректно. Кроме того, Й. Снелльману снова припомнили его противоречивую роль в борьбе с голодом в 1864–1868 годах. В результате в 1881 году Финляндский ипотечный союз не переизбрал его в качестве своего председателя. В том же году он умер.

Также Сейм ходатайствовал перед императором о даровании всем гражданам Великого княжества Финляндского экономической свободы, которая и была провозглашена Высочайшим указом 1879 года. Указ даровал всем гражданам Великого княжества Финляндского право заниматься той хозяйственной деятельностью, которая представлялась им наиболее привлекательной, любые ограничения на профессию или род занятий отменялись, а также вводились единые правила лицензирования той деятельности, для осуществления которой была необходима лицензия. Указ уравнивал мужчин и женщин в экономических правах, женщины получали право заниматься любой деятельностью наравне с мужчинами и распоряжаться доходами от этой деятельности [Hermunen 1989].

Лица, занимавшиеся тем или иным видом хозяйственной деятельности, наделялись правом создавать профессиональные объединения, однако отказ присоединиться к профессиональному объединению не накладывал ограничения на занятие данным видом деятельности. Указ создавал основу для появления в Финляндии трудовых контрактов, в которых работодатель и работник выступали бы в качестве формально

равных сторон. Этот же указ ограничивал максимальный срок, на который мог быть заключен трудовой контракт, тремя годами, а также обязывал работодателей создавать условия труда, способствующие сохранению здоровья и жизни работников. Также указ создавал основу для появления в Финляндии контрактов на аренду земли, в которых землевладелец и арендатор выступали бы в качестве формально равных сторон.

Этот же указ уточнял, что трудовой контракт с работником на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, а также договор аренды жилья или земельного участка должен быть составлен на том языке, который понятен работнику или арендатору. Это было крайне актуально для Финляндии, где в ходу были как финский и шведский, так и русский языки. Наконец, указ разъяснял, что аналогичными правами на территории Великого княжества Финляндского могут пользоваться и иностранцы при условии получения разрешения на осуществление хозяйственной деятельности от губернатора соответствующей губернии. Вступление в силу этого указа стало последним шагом на пути к либерализации Великого княжества Финляндского при Александре II.

Великое княжество Финляндское при Александре III: поворот к протекционизму

После убийства Александра II и воцарения Александра III темпы либеральных реформ в Великом княжестве Финляндском стали снижаться. С одной стороны, личная роль Александра II в проведении реформ как в остальной части Российской империи, так и в Великом княжестве Финляндском несомненна. Александр III в данном контексте представляется личностью более противоречивой. Хотя назвать те изменения в экономике Российской империи, которые проводили в период правления Александра III министры финансов Н. Х. Бунге, А. И. Вышнеградский и С. Ю. Витте, иначе как реформами невозможно. Эти реформы имели важный экономический эффект для Российской империи. Аналогично та экономическая политика, которая проводилась финляндским Сенатом в эпоху Александра III, также способствовала росту промышленного производства и повышению уровня жизни населения. Другое дело, что экономическую политику в Российской империи и в Великом княжестве Финляндском в эпоху правления Александра III не всегда можно назвать либеральной.

Из стратегических целей экономической политики Александра III лишь стабилизацию рубля можно отнести к либеральным инициативам. Две другие стратегические цели его экономической политики — развитие транспортной инфраструктуры и поддержка зарождающейся промышленности путем протекционистских мер [Kahan 1989, p. 91] — отнести к либеральным не представляется возможным. Причиной здесь были не только и не столько личные взгляды императора, а те принципы, которыми он руководствовался при подборе кадров на ключевые посты в имперском правительстве, и взгляды ближайшего окружения царя. основополагающие принципы экономической политики в 1870-х годах претерпели значительные изменения не только в России, но и практически во всех европейских странах и даже в США, хотя во всех этих странах изменения происходили по-разному. И можно предположить, что если бы Александр II не был убит в 1881 году, но остался бы у власти в следующее десятилетие, то его экономическая политика, включая политику в отношении Великого княжества Финляндского, также изменилась бы.

Имперская экономическая политика в отношении Великого княжества Финляндского, проводимая в 1880-х — первой половине 1890-х годов, обуславливалась как общемировыми тенденциями, так и ситуацией в самом Великом княжестве Финляндском. Важнейшей общемировой тенденцией, повлиявшей на эту политику, стали последствия так называемой «долгой депрессии» 1873–1879 годов. Уже в начале XXI века многие экономисты усомнились в правоте так называемых «ортодоксальных историков экономики» [Rothbard 2002, p. 154], благодаря которым сформировалось устойчивое мнение, что экономику не только США, но и всей Европы в 1873 году поразил кризис, причем стагнация продлилась целых шесть лет. Ведь в эти годы в тех же США наблюдался рост промышленности, производства, валового продукта, уровня жизни населения, численности самого населения, а также протяженности железнодорожной сети. Теми же словами можно охарактеризовать экономическую ситуацию в Финляндии в 1870-х годах, хотя темпы роста там, конечно, были гораздо более скромными, чем в США.

Вне зависимости от того, действительно ли в США и в Европе во второй половине 1870-х годов наблюдался затяжной экономический кризис (а в некоторых европейских странах, несомненно, так оно и было, достаточно вспомнить массовый голод в Ирландии 1870-х годов, масштабы которого сопоставимы с масштабами голода в Финляндии 1860-х годов), в 1880-х годах и в США, и во многих европейских странах

произошел поворот в экономической политике. Во-первых, произошел поворот от либерализма к протекционизму во внешнеторговой политике. Во-вторых, начался новый этап европейского колониализма, на котором империалистическая экспансия, по выражению Х. Арендт, «была вызвана необычного рода экономическим кризисом» [Арендт 1996, с. 199]. Каждая из этих тенденций не обошла стороной и Российскую империю, включая взаимоотношения между Санкт-Петербургом и Великим княжеством Финляндским.

В эпоху Александра III протекционизм стал основополагающим принципом внешнеэкономической политики Российской империи, поскольку высокие импортные пошлины на промышленную продукцию рассматривались в качестве важнейшего фактора зарождения и развития промышленности в самой России. В данном контексте автономия Великого княжества Финляндского, где таможенные пошлины устанавливались в эпоху Александра II решениями Сейма, а в годы, когда Сейм не созывался, — решениями Сената, создавала «дыру» в таможенной политике Российской империи, поскольку Сейм и Сенат устанавливали таможенные пошлины на ввоз товаров как из остальной части России, так и из-за рубежа. Неудивительно, что в императорскую речь на открытии Сейма 1882 года было включено пожелание, чтобы Сейм, рассматривая вопросы, относящиеся к жизнедеятельности Великого княжества Финляндского, не принимал бы решений, затрагивающих разделение властей между Сеймом и императором, вопросов обороны, а также таможенных пошлин.

Общеввропейские тенденции в сфере империалистической политики не могли не затронуть и Россию в эпоху Александра III. В первой половине XIX века Великое княжество Финляндское представляло для Российской империи интерес с военной, но не с экономической точки зрения, поскольку основной статьей экспорта Финляндии был лес, который в избытке производился и в основной части России. Однако во второй половине XIX века, когда в большинстве европейских стран «стремление производителей продукции к получению новых рынков сбыта способствовало политике экспансии» [Хобсбаум 1999, с. 68], Российской империи Финляндия стала интересна в качестве рынка сбыта российского зерна. Тем более что для торговли зерном между основной частью России и Великим княжеством Финляндским были созданы все условия: железная дорога была проложена, а финляндская марка, считавшаяся слабой валютой в эпоху серебряного стандарта, значительно укрепилась после перехода к золотому стандарту.

С экономической точки зрения увеличение поставок зерна из основной части России создавало для Великого княжества Финляндского возможности для более активного включения в систему разделения труда между отдельными частями империи. Финляндия стала производить меньше продовольственного зерна; вместо этого развитие получило молочное животноводство. В прежние века оно не развивалось из-за отсутствия достаточной кормовой базы. В европейских странах с более теплым климатом практиковалось так называемое трехполье: сельскохозяйственная система, которая предписывала делить земельный участок на три части. Одна из этих частей попеременно оставалась под паром, то есть на этом участке не сажали ничего на протяжении ряда лет, вторая выделялась под озимые культуры, среди которых доминировало именно продовольственное зерно. Наконец, третья часть выделялась под яровые культуры, среди которых доминировали кормовые культуры, обеспечивающие кормовую базу для животноводства.

В Финляндии в силу климатических условий вплоть до XIX века практиковалось двухполье, то есть сельскохозяйственная система, при которой половина участка попеременно засеивалась продовольственными культурами, а вторая половина находилась под паром. Кормовых культур практически не выращивалось, — соответственно, и животноводство было не развито. Однако в тех частях долин рек, впадающих в Ботнический залив, которые затапливает весенними паводками, а потому непригодных для произрастания продовольственных культур, сформировались условия для устройства заливных лугов. Первые эксперименты с заливными лугами проводились еще в 1830-х годах в поместье Вуойки в долине реки Эурайоки вблизи Бьёрнеборга (Пори), в последующие полвека практика устройства заливных лугов распространилась повсеместно в долинах рек, впадающих в Ботнический залив, от окрестностей Або (Турку) до границы со Швецией в Лапландии.

В 1880-е годы в Финляндии повсеместно распространились специальные сани с решетчатыми бортами для перевозки сена и соломы. А в начале 1890-х годов в Финляндии начали повсеместно внедряться сепараторы, позволяющие механически отделять молоко от образующихся на его поверхности сливок, что привело к резкому увеличению производства масла. В результате к окончанию эпохи Александра III именно масло стало одной из важнейших статей экспорта Великого княжества Финляндского, хотя самой важной статьёй финляндского экспорта оставался лес. В отличие от леса, который поставлялся главным образом в страны Западной Европы, масло поставлялось, в том

числе, в остальную часть России. Развитие молочного животноводства стало важным фактором ускоренного освоения финляндского севера во второй половине XIX века, где климатические условия были плохо пригодны для выращивания продовольственных культур с учетом сельскохозяйственных технологий того времени, но подходили для молочного животноводства.

В два последних десятилетия XIX века население финляндского севера росло с той же скоростью, что и население в целом. Например, по данным Регионального центра экономического развития, транспорта и окружающей среды Северной Остроботнии, в 1880 году в провинции Северная Остроботния с административным центром в Улеаборге (Оулу) проживало 127 тысяч человек [Pohjois-Pohjanmaan ELY-Keskus 2019]. В губернии Оулу, включавшей, помимо Северной Остроботнии, также и провинцию Кайнуу, проживало 168 тысяч человек. Во всей Финляндии (включая Выборгскую губернию) в 1880 году проживало 2 миллиона 61 тысяча человек. По тем же данным, в 1900 году в Северной Остроботнии проживало 168 тысяч человек, в губернии Оулу — 222 тысячи человек, а во всей Финляндии — 2 миллиона 713 тысяч человек. Таким образом, и в Северной Остроботнии, и в губернии Оулу, и во всей Финляндии население за двадцать лет выросло примерно на треть.

Освоение севера во второй половине XIX века оставило значимый след в финляндской культуре. В США память об освоении запада в XIX — начале XX века породила вестерн как жанр в литературе, а позднее — в кинематографе. В России память об освоении Средней Азии в тот же исторический период стала причиной появления «истерна» — жанра, наиболее известным примером которого является кинофильм «Белое солнце пустыни». В Финляндии жанр в литературе и кинематографе, возникший на основе памяти об освоении севера в XIX веке, не получил собственного названия, однако этой тенденции внутренней миграции посвящено значительное число книг и фильмов. Из последних кинолент в данном контексте нельзя не отметить фильм «Цветение» (“Härmä”, в англоязычном прокате — “Once Upon a Time in the North”), снятый режиссером Ю. П. Сийли в 2012 году. Если в США символом освоения Дикого Запада стал револьвер, то в Финляндии аналогичное символическое значение приобрел нож “puukko”, известный в России как «финка».

Несмотря на то что во второй половине XIX века в Финляндии быстрыми темпами шла индустриализация, экономический рост в этот период обуславливался главным образом увеличением производства

в сельском и лесном хозяйстве. Так, в 1860 году ВВП Великого княжества Финляндского оценивался в три миллиона марок, в 1875 году — в пять миллионов марок, в 1890 году — в шесть миллионов марок, а в 1913 году — в шестнадцать миллионов марок [Ньерре 1988, s. 41]. Исходя из этих цифр, можно предположить, что в эпоху реформ Александра II наблюдался бурный экономический рост, в то время как в эпоху Александра III, когда реформы были приостановлены, темпы экономического роста снизились. На деле бурный экономический рост наблюдался в Финляндии лишь в течение пяти лет — в 1868–1873 годах, во многом экономический рост в этот период обуславливался строительством железной дороги между Гельсинфорсом и Санкт-Петербургом и обустройством прилегающей к ней территории.

Этот экономический рост был связан не столько с ростом производства, сколько это был рост в стоимостном его выражении, происходивший благодаря переходу Финляндии с натурального на денежный обмен. По данным из того же источника, в 1860 году объем производства в Финляндии составлял 21 % от уровня 1926 года, в 1875 году — 29 %, в 1890 году — 41 %, а в 1913 году — 80 %. Таким образом, при Александре II объем производства вырос на 38 %, а при Александре III — на 41 %. Однако в стоимостном выражении национальный продукт в Финляндии в 1860 году составлял 6,6% от уровня 1926 года, в 1890 году — 7,7 %, в 1880 году — 6,4 %, а в 1913 году — 8,8 %. Таким образом, национальный продукт в Финляндии между 1860 и 1890 годами даже уменьшился, что было обусловлено не столько снижением экспорта в связи с обращением большинства европейских держав к протекционизму в период и после «долгой депрессии», сколько падением цен на лес — основную статью экспорта Финляндии в годы кризиса. Так, к 1881 году экспорт Финляндии снизился по объему на 5,6 % по сравнению с уровнем 1776 года, а в ценовом выражении — на 11 % [Ньерре 1988, s. 44–45].

Помимо тенденций, характерных для всей Европы, отказ от либерализации в Великом княжестве Финляндском в последние два десятилетия XIX века был обусловлен внутривнутриполитическими причинами. Вплоть до 1860-х годов основной политической силой в Финляндии было движение Фенномании, среди представителей которого находились как приверженцы меркантилизма (например, Л. Г. Гартман), так и либералы (например, Ф. Лагеншельд и Й. Снелльман). Однако уже в 1870-х годах в Финляндии начала формироваться вторая по значимости политическая сила — движение Свекомании. Руководствуясь либеральными идеями,

Й. Снелльман осуществил привязку финляндской марки к серебру в середине 1860-х годов и к золоту в конце 1870-х годов. Однако финансовые реформы совпали по времени с трудными периодами в финляндской экономике: в 1860-х годах привязка марки к серебру проходила в условиях массового голода, а привязка марки к золоту в 1870-х годах — в условиях снижения экспорта из-за «долгой депрессии».

В результате популярность либеральных идей среди сторонников движения Фенномании снизилась. К концу XIX века большинство сторонников движения Фенномании были одновременно приверженцами меркантилизма, а либерализм стал основой экономической программы движения Свекомании. С приходом к власти Александра III в России Л. Ф. Гейден сменил Н. В. Адлерберга на посту генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. Новый генерал-губернатор опасался усиления сепаратистских настроений в Финляндии и в своей борьбе с финляндским сепаратизмом, олицетворением которого для него выступало движение Свекомании, он опирался на движение Фенномании, тем более что меркантилизм, приверженцами которого было большинство сторонников движения Фенномании, не противоречил внешнеэкономической политике Российской империи, основывавшейся при Александре III на протекционизме.

Великое княжество Финляндское при Николае II: политика русификации

Попытки императорской власти опираться на движение Фенномании в борьбе с растущими сепаратистскими настроениями в Великом княжестве Финляндском не были успешными. Финляндская элита восприняла попытки имперского правительства вмешиваться в ранее находившиеся в исключительном ведении финляндского Сената вопросы, такие как определение размеров и порядка взимания таможенных сборов, как покушение на права автономии. Антироссийские настроения стали распространяться также среди сторонников движения Фенномании. При этом важно, что настроения среди элиты и среди крестьянства во многом совпадали. Сравнивая ответ на политику русификации в Прибалтийских губерниях Российской империи и в Финляндии, Л. Лунден пишет о том, что в Финляндии классовые диспропорции были значительно меньше, чем в той же Эстонии [Lundin 1981, p. 358]. И речь идет не только об экономических диспропорциях.

В Эстонии, где родным языком большинства помещиков был немецкий, лишь немногие из них интересовались эстонским языком и эстонской культурой.

Среди финляндских помещиков интерес к финскому языку и финской культуре наблюдался практически повсеместно, даже среди сторонников движения Свекомании. Финский писатель А. Киви писал не о жизни крестьян, как большинство русских писателей XIX века, не относившихся к крестьянскому сословию, но от имени крестьянина. Финский композитор Я. Сибелиус написал симфоническую поэму «Куллерво», партитура которой основывалась на одном из сказаний народного эпоса «Калевала», а художник А. Галлен-Каллела написал серию картин по мотивам «Калевалы». Элитарная финская культура была понятна финскому крестьянству, а жизнь финского крестьянства была понятна финляндской элите. Таким образом, Великое княжество Финляндское демонстрировало большее единство в противостоянии политике русификации, начавшейся после коронации Николая II в 1896 году и назначения генерал-губернатором Великого княжества Финляндского Н. И. Бобрíkова в 1898 году.

Несмотря на то что финляндский Сейм собирался за год до этого, в 1897 году (важнейшим вопросом, обсуждавшимся Сеймом в том году, стал вопрос о предоставлении права голоса женщинам, — правда, окончательное решение принято не было), в 1898 году новый генерал-губернатор Н. И. Бобрíkов потребовал внеочередного созыва Сейма. Внеочередной Сейм собрался в начале 1899 года. Н. И. Бобрíkов зачитал обращение Николая II, в котором сообщалось, что за финляндскими органами власти сохраняется право принимать решения по вопросам, касающимся внутренних дел Великого княжества, однако по остальным вопросам, в первую очередь по вопросам безопасности, император отныне будет принимать решения без оглядки на мнение местных органов власти. На практике это означало, что отныне жители Великого княжества Финляндского будут призываться в армию по российским законам, причем они могут быть отправлены на службу в остальную часть России, а также за рубеж, например на Балканы, в случае, если того потребуют интересы империи.

Внеочередному Сейму предстояло обсудить этот вопрос, однако поскольку речь шла о безопасности империи, то Сейм лишился права одобрить, отклонить либо внести поправки в новое законодательство. Несмотря на это, Сейм (а также Сенат независимо от Сейма) подготовил свои проекты поправок к законопроекту о воинской повинности, но эти

поправки были отклонены, и в 1901 году императорским указом был утвержден новый закон о воинской повинности для Великого княжества Финляндского. Результатом вступления в силу нового закона стало не только массовое уклонение от воинской повинности среди жителей Великого княжества Финляндского, но зарождение движения за независимость Финляндии, в котором приняли участие представители всех слоев общества, а не только элиты [Lappalainen 1967, s. 31]. Кроме того, на Сейме 1899 года было объявлено о постепенном переводе делопроизводства в Великом княжестве Финляндском на русский язык, несмотря на то что большинство элиты и тем более крестьянства Финляндии русским языком в начале XX века не владели.

Собравшийся в 1900 году очередной Сейм, несмотря на прозвучавшее в речи Н. И. Бобрикова на его открытии недвусмысленное предостережение не обсуждать в ходе заседаний вопросы, относящиеся к исключительному ведению императора, предпринял такое обсуждение. Императору была направлена резолюция Сейма, осуждающая политику Н. И. Бобрикова, оставленная, впрочем, без внимания. Между тем вступил в силу закон о воинской повинности, однако уклонение от службы в Финляндии в 1901–1902 годах приняло столь массовый характер, что в 1902 году император согласился с предложением финляндского Сената заменить воинскую повинность подпиской на военный заем, средства от которого передавались бы Российской империи. Эти выплаты вошли в финляндскую историографию под названием «военные миллионы» [Luntinen 1984]. Новый Сейм, собравшийся в конце 1904 года, вновь принял обращение к императору прекратить политику русификации, и вновь это обращение было оставлено без внимания.

Первая русская революция 1905 года затронула и Финляндию, где в антиправительственных выступлениях приняли участие как финские националисты, требовавшие независимости Финляндии, так и представители формирующегося финляндского рабочего класса. Хотя в начале XX века большинство населения Финляндии было занято в сельском и лесном хозяйстве, число рабочих существенно выросло к 1905 году. Так, население Таммерфорса (Тампере) в период с 1870 по 1900 год выросло с семи до тридцати шести тысяч человек. Таммерфорс стал одним из центров рабочего движения в Финляндии (вторым значимым центром был Выборг). Именно здесь в Доме рабочих в 1905 году впервые встретились В. И. Ульянов (Ленин) и И. В. Джугашвили (Сталин), здесь же год спустя Ульянов (Ленин) впервые публично пообещал Финляндии независимость в случае победы социалистической революции в России.

Сегодня в этом здании располагается Рабочий театр, а также до сих пор действующий Музей Ленина.

Революция 1905 года имела для Финляндии схожие последствия с теми, которые революция имела для остальной России. Хотя революция была подавлена, в России был создан свободно избираемый орган законодательной власти — нижняя палата российского парламента, получившая название Государственной думы. Аналогично и в Финляндии, хотя революция была подавлена, император согласился заменить четырехсословный Сейм однопалатным Представительным собранием — Эдускунтой, — выборы в которую проводились бы, исходя из принципа «один человек — один голос». Вплоть до сентября 1906 года заседал последний созыв Сейма, задачей которого было разработать закон о выборах в Эдускунту, чтобы они могли пройти уже весной 1907 года. Финляндия стала первой европейской страной, где равное с мужчинами право голоса получили и женщины. Более того, по итогам первых выборов в Эдускунту 1907 года из двухсот депутатских мандатов девятнадцать досталось женщинам.

Впрочем, как и в случае Государственной думы Российской империи, император сохранял право роспуска Эдускунты. В 1907–1917 годах император активно пользовался своим правом роспуска Государственной думы в основной части России и правом роспуска Эдускунты в Великом княжестве Финляндском. В основной части Российской империи в период между 1906 годом, когда собралась первая Государственная дума, и 1917 годом, когда император отрекся от престола, работало четыре созыва Государственной думы. Таким образом, в среднем Государственная дума распускалась раз в три года. В Финляндии выборы в Эдускунту в то десятилетие проводились практически ежегодно: выборы проходили в 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1913 и 1916 годах. В 1917 году выборы в Эдускунту были проведены вновь, уже по поручению Временного правительства, пришедшего к власти в основной части России после отречения императора.

В 1919 году, уже после провозглашения независимости Финляндии и окончания в стране гражданской войны, были проведены первые выборы в Эдускунту уже независимой Финляндии. Представляется, что император ежегодно распускал Эдускунту из-за того, что больше всего мандатов в финляндском парламенте стабильно завоевывала Социал-демократическая партия. Так, на выборах в Эдускунту 1907 года социал-демократы получили 80 депутатских мандатов из двухсот, в 1908 году — 83, в 1909 году — 84, в 1910 году — 86, в 1911 году — снова 86,

в 1913 году — 90, наконец, в 1916 году — 103 депутатских мандата, то есть абсолютное большинство мест в парламенте. Другими важными партиями стали (старая) Финская партия и Младофинская партия, сформировавшиеся на основе движения Фенномании, Шведская народная партия, сформировавшаяся на основе движения Свекомании, а также Аграрная партия, призванная представлять интересы крестьянства.

Несмотря на то что крестьянство было наиболее многочисленной группой среди населения Финляндии, Аграрный союз получал на выборах в Эдускунту от десяти (в 1907 году) до 26 мест (в 1917 году). Популярность (старой) Финской партии снижалась на протяжении десятилетия: если в 1907 году ее представители получили 59 депутатских мандатов, то в 1916 году — всего 33. Популярность Младофинской партии колебалась в пределах от 23 (в 1916 году) до 29 (в 1913 году) депутатских мандатов вплоть до объединения со (старой) Финской партией накануне выборов 1917 года, на которых эти две партии в союзе с Народной партией получили на троих 61 депутатский мандат. Основное различие между (старой) Финской партией и Младофинской партией заключалось в том, что первая видела будущее Финляндии в составе Российской империи, хотя и с широкими правами автономии, в то время как вторая последовательно выступала за независимость страны. Лишь к 1917 году это противоречие было снято, что позволило им объединиться. Наконец, Шведская народная партия получала на выборах от 21 (в 1916 и 1917 годах) до 26 (в 1910 и 1911 годах) мест.

Помимо появления в Финляндии законодательного органа власти и института всеобщих выборов, важным изменением, имевшим место в Великом княжестве Финляндском накануне начала Первой мировой войны, стало открытие в Гельсингфорсе в 1912 году фондовой биржи. Великое княжество Финляндское стало не единственной частью Российской империи, которая получила право создать свою фондовую биржу за пределами Санкт-Петербурга. Так, до появления фондовой биржи в Гельсингфорсе фондовые биржи уже работали, помимо Санкт-Петербурга, также в Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Варшаве и Риге. Однако, благодаря созданию фондовой биржи в Гельсингфорсе в 1912 году, после 1917 года «Финляндия, будучи уже независимой страной, имела собственную исправно функционирующую площадку для фондовой торговли» [Анисимова 2011, с. 58]. Фондовая биржа в Гельсингфорсе работала на протяжении всей Первой мировой войны, которая началась в 1914 году, а закончилась в 1918 году распадом Российской империи и появлением в 1917 году нового независимого финляндского государства.

Заключение

Ключевым фактором, повлиявшим на лояльность Великого княжества Финляндского по отношению к Российской империи в XIX веке, был фактор войны и мира. В XVIII веке Шведское королевство, продолжая собирать с финляндских земель налоги, не смогло обеспечить защиту этих земель в ходе опустошительных русско-шведских войн. Соответственно, когда в начале XIX века российский император Александр I предложил финляндской элите, с одной стороны, защиту от возможного шведского реваншизма, а с другой стороны — возможность направлять все собираемые на финляндских землях налоги на развитие самой Финляндии, финляндская элита сделала выбор в пользу России. Она оставалась лояльной России и в годы Крымской войны, хотя поражение Российской империи в той войне и ее неспособность защитить территорию Финляндии от обстрелов британского и французского флотов нанесли существенный удар по финляндской лояльности. Когда же в конце XIX века российский император Николай II объявил, что не только Российская империя не гарантирует Финляндии защиту в ходе грядущих войн в Европе, но, напротив, империя требует, чтобы Финляндия дала солдат для защиты России и ее интересов, в том числе вдали от ее границ, а если Финляндия не сможет дать солдат, то пусть выплатит отступные, финляндская лояльность России начала разрушаться угрожающими темпами. Поражение Российской империи в Первой мировой войне окончательно уничтожило финляндскую лояльность.

В отличие от вопросов войны и мира, экономические реформы, доводя которые Российская империя платила жителям Финляндии за их лояльность, а также экономический рост, являвшийся следствием этих реформ, никак не влияли на лояльность Финляндии. Тем более что мы лишь сегодня ретроспективно можем сказать, что экономический рост стал следствием экономических реформ, в XIX веке многие жители Финляндии не воспринимали экономические реформы и экономический рост как взаимосвязанные явления. Привязка финляндской марки к серебру — важный этап на пути формирования экономической самостоятельности Великого княжества Финляндского, ставшей залогом экономического развития страны в будущем, — происходила в условиях массового голода населения в период неурожайных лет. Причем финляндский Сенат был вынужден проводить меры по укреплению финляндской марки в то время, когда обстоятельства требовали, напротив, ослабить национальную валюту, увеличить государственный долг

и бюджетный дефицит, а вырученные средства направить на закупку продовольствия с последующей раздачей его голодающим.

Аналогично привязка финляндской марки к золоту — следующий важнейший этап формирования экономической самостоятельности Финляндии — проходила в условиях экономического кризиса, обусловленного «долгой депрессией» и обращением большинства европейских стран к протекционизму, что повлекло за собой падение цен на древесину — основную статью финляндского экспорта, снижение объема и стоимости последнего. Напротив, экономический рост в Великом княжестве Финляндском происходил в годы, когда имперское правительство в Санкт-Петербурге не только не позволяло новых экономических реформ, но и пыталось ограничить экономическую свободу, приобретенную в результате предыдущего этапа реформ. Экономический рост в Финляндии начался в эпоху Александра III, что в меньшей степени было связано с его экономической политикой и в гораздо большей степени было связано с восстановлением европейской экономики после «долгой депрессии». В это же время правительство Александра III пыталось, пусть и не так активно, как при Николае II, ограничивать финляндскую автономию. Проводившаяся при Николае II политика русификации, затронувшая не только Финляндию, но все западные окраины Российской империи, не остановила экономического роста в Финляндии. Более того, либеральные экономические реформы продолжались и в эпоху Николая II: например, в Гельсингфорсе появилась собственная, независимая от петербургской, фондовая биржа. Однако росту лояльности финляндцев по отношению к России это никак не способствовало.

Охотно позволяя в Финляндии экономические реформы, российские императоры крайне неохотно соглашались на проведение политических реформ в Великом княжестве Финляндском. Так, Александр II согласился созвать финляндский Сейм лишь после того, как столкнулся с массовыми протестными выступлениями как представителей финляндской элиты, так и простых финляндцев. И лишь опасения, что в Финляндии может повториться польский сценарий, заставили Александра II подписать постановление, согласно которому Сейм должен собираться периодически, без специального распоряжения императора. Аналогично Николай II, столкнувшись с активным участием рабочих, крестьян и представителей элиты Финляндии в протестах в ходе Революции 1905 года, согласился с заменой Сейма, состоявшего из четырех палат, каждая из которых представляла одно из четырех сословий, на которые делилось население Финляндии в середине XIX века, на однопалатный пар-

ламент — Эдускунту, которая наделялась правом представительства всего народа Финляндии, а не отдельных сословий.

Несмотря на то что на протяжении большей части XIX века Финляндия находилась под властью Российской империи, история ее развития в это время мало чем отличалась от истории развития других европейских стран. Как и во многих других европейских странах, в Финляндии во второй половине XIX века начался экономический рост, обусловленный появлением новых технологий. Немаловажно, что появившиеся в XIX веке в Европе новые технологии способствовали не только индустриализации Финляндии, которая оставалась преимущественно аграрной страной вплоть до провозглашения независимости в 1917 году и после этого события, но и развитию сельского хозяйства страны. Например, благодаря новым сельскохозяйственным технологиям в Финляндии во второй половине XIX века появилось молочное животноводство, ранее здесь не развитое. Как и в большинстве европейских стран в XIX веке, экономическая мысль в Финляндии характеризовалась спором между приверженцами меркантилизма и либерализма, причем точка в их споре так и не была поставлена вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 году.

Литература

Андреева Т. В. Николай I и финляндский вопрос, 1830–1831 // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 2 (6). С. 52–78.

Анисимова Д. В. Неизвестная фондовая биржа Российской империи? О ключительном этапе экономической автономизации Великого княжества Финляндского // Экономическая история. 2011. № 1 (12). С. 48–59.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

Востров А. В. Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. Т. 17. № 2. С. 29–33.

Загора М. Г. Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Николай Адлерберг как представитель российской элиты в Гельсингфорсе (1866–1881) // Альманах североευропейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 353–365.

Злобин Ю. П. Социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России в XIX — начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7 (156). С. 37–44.

Ковалевский А. В. Генерал-губернатор Платон Рокасовский в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 22–33.

Ланко Д. А. Модернизация в окружении: случай Финляндии. Часть I: первая половина XIX в. (Препринт М-69/19; Центр исследований модернизации ЕУСПБ) СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/M_center/M_69_19.pdf.

Орлов В. В. Привилегии на изобретения в Великом княжестве Финляндском Российской империи // Изобретательство. 2007. Т. 7. № 5. С. 3–12.

Перова М. В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX века: функции, общественное значение и направления деятельности // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 13–18.

Рудницкая Е. Л. Герцен, Огарев, Бакунин и польское восстание 1863 г. // Литературное наследие. 1985. Т. 96. С. 363–398.

Вайтхед Л. Сравнительная политология: исследования по демократизации // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна, науч. ред. русского издания Е. Б. Шестопал. М.: Вече, 1999. С. 345–360.

Хобсбаум Э. Век империи, 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Alameri M. Suomen Rautatiet. Wien: Slezak, 1979.

Auvinen E. Krimmin sota, Venäjä ja suomalaiset: Siviilit rannikoiden puolustajina ja sen vaikutus sotatoimiin sekä Venäjän suomensuhteisiin. Turku: Turun yliopisto, 2015. URL: <https://www.utupub.fi/bitstream/handle/10024/103165/AnnalesC393Auvinen.pdf?sequence=2&isAllowed=y>.

Häkkinen A., Ikonen V., Pitkänen K., Soikkanen H. Kun halla nälän tuskan toi: miten suomalaiset kokivat 1860-luvun nälkävuodet. Helsinki: WSOY, 1991.

Hermunen T. Elinkeinovapaus ja alakohtainen sääntely. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1989.

Hettne B. The Concept of Neomercantilism // Mercantilist Economics / ed by L. Magnusson. New York: Springer, 1993. P. 235–256.

Hjerppe R. Suomen talous 1860-1985: kasvu ja rakennemuutos. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1988.

Isosaari J. Suomen koululaitoksen rakenne ja kehitys. Keuruu: Otava, 1973.

Jussila O. Suomen suuriruhtinaskunta, 1809–1917. Helsinki: WSOY, 2004.

Kahan A. Russian Economic History: The Nineteenth Century / ed. by R. Weiss. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Klinge M. Kansalaismielen synty: Suomen ylioppilaiden aatteet ja järjestäytyminen ilmentamassa yleisen mielipiteen ja kansalaistietoisuuden kehittymistä, 1853–1871. Helsinki: W. Söderström, 1967.

Kotilainen S. National Language Policy at the Local Level: The Realization of Language Legislation in Late-19th-Century Finland // Language Policies in Finland and Sweden: Interdisciplinary and Multi-Cited Comparison / ed. by M. Halonen, P. Ihalainen, T. Saarinen. Bristol: Multilingual Matters, 2015. P. 147–170.

Lappalainen J. Itsenäisen Suomen synty. Jyväskylä: Gummerus, 1967.

Lundin L. C. Part Five: Finland // Russification in the Baltic Provinces and Finland / ed. by E. C. Thaden. Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 357–458.

Luntinen P. Sotilasmijoonat. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1984.

Mylly J. Edustuksellisen kansanvallan läpimurto. Helsinki: Edita, 2006.

Nurmi E. Markan oikea isä ei ollut Snellman // Helsingin Sanomat. 2001. 6. joulukuuta. URL: <https://www.hs.fi/talous/art-2000004016459.html>.

Paasivirta J. Finland and Europe: International Crises in the Period of Autonomy, 1808–1914. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981.

Paaskoski J. Viipuriin ja maailmalle: Saimaan kanavan historia. Keuruu: Otava, 2002.

Palo M., Lehto E. Private or Socialistic Forestry? Forest Transition in Finland vs. Deforestation in the Tropics. London and New York: Springer, 2012.

Pohjois-Pohjanmaan ELY-Keskus. Kunnittainen väkiluku. Julkaistu 15.07.2019. URL: https://www.ymparisto.fi/fi-FI/PohjoisPohjanmaan_ymparistohistoria/Luonnonolot_ilmasto-ja_aluekehitys/Alue_ja_vaestokehitys/Kunnittainen_vakiluku.

Rothbard M. N. A History of Money and Banking in the United States: The Colonial Era to World War II. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2002.

Talvio T. Suomen rahat. Helsinki: Suomen Pankki, 2003.

Дмитрий Ланко

**Модернизация в окружении: случай Финляндии.
Часть II: вторая половина XIX — начало XX века**

Препринт М-76/20

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 21.01.20.

Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

